

УДК 002.2
DOI 10.17223/18137083/60/6

И. А. Айзикова

Томский государственный университет

**«Записная книжка с различными стихотворениями
разных авторов» Н. Н. Наумова как отражение
читательских интересов владельца (1900–1901) ***

Анализ записной книжки Н. Н. Наумова позволяет определить ее как совокупность самостоятельных выписок, являющихся между тем целостным текстом. Смысл этого текста становится понятным в результате соотнесений отдельных вписанных в записную книжку произведений и маргиналий хозяина книжки. Рассматриваемый эгодокумент обладает своей структурой, формируется на основе определенных литературных пристрастий, отражает мировосприятие владельца, питающую его культурную среду, в том числе круг и культуру чтения. Вместе с тем записная книжка, имеющая безусловное биографическое значение, важна и в историко-культурном плане, выводя нас за пределы внутреннего мира владельца, его личных читательских интересов и практик – в область сибирской словесной культуры и ее взаимодействия с общероссийским и западноевропейским контекстами.

Ключевые слова: Н. Н. Наумов, записная книжка, читательские интересы и практики, сибирский и общероссийский литературный процесс, диалог.

В собрании отдела рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета хранится личный архив Н. И. Наумова – писателя-народника (1838–1901), родом из Тобольска, большую часть своей жизни прожившего в Томске. В составе архива содержится до сих пор не привлекавшая внимания исследователей «Записная книжка с различными стихотворениями разных авторов», автором которой является старший сын писателя – Николай Николаевич Наумов (1876–1937). В ней 47 листов, большая их часть заполнена. Все записи сделаны, как показывает сравнение с автографами Н. Н. Наумова, почерком владельца.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 16-11-70001а(р).

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634004, Россия; wand2004@mail.ru)

В книжке есть несколько датированных записей. На л. 1 размещено «Расписание лекций на 1900/1 год», на л. 16 – «Расписание репетиций», датированное: «Окт.<ябрь>», л. 31 об. сверху подписан: «23 августа 1901 года», 36 об. – «29 августа 1901 г.», л. 45 – «17 августа». Эти указания позволяют датировать заполнение книжки 1900 – августом 1901 г., т. е. оно приходится на первый год обучения Н. Н. Наумова в московском Константиновском межевом институте, куда он поступил в 1899 г. и который окончил в 1904 г., получив высшее математическое и геодезическое образование и звание межевого инженера.

Большая часть жизни Николая Николаевича, как и его отца, прошла в Сибири. Родившись в Петербурге (крестным отцом его был Н. А. Некрасов, с которым семья Наумовых была дружна, как и с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, И. С. Тургеневым, В. Г. Короленко, Г. И. Успенским, М. Е. Салтыковым-Щедриным), уже в шесть лет он переехал вместе с семьей в г. Мариинск Томской губернии. В 1888 г. семья Наумовых переезжает в Томск. Здесь Н. Н. Наумов получил среднее образование в Алексеевском реальном училище, окончив его в 1897 г. Кроме того, все дети Наумовых получили хорошее домашнее образование и главное – воспитание в семье, представляющей собой образец сибирского интеллигентного семейства конца XIX в.¹ В Томске Наумовы сблизилась с выдающимися людьми своего времени, представителями научной, литературной, культурной интеллигенции: Г. Н. Потаниным, М. Н. Ядринцевым, со многими профессорами Томского Императорского университета, политическими ссыльными (К. С. Станюковичем, В. Г. Короленко, С. С. Синегубом, С. И. Коржинским, Д. А. Клименцом, А. И. Иванчиным-Писаревым, Э. Г. Салищевым), не порывая связей и со многими русскими писателями, редакторами журналов, издателями, определявшими лицо общерусского литературного процесса (см.: [Скабичевский, 1897; 1903, с. 245–248; Наумов, 1963; Кожевников, 1952; Попов, 1967; Бурмакин, 1995, с. 37–48; Русские писатели..., 1996, 128–146])². Эта среда, безусловно, оказала большое влияние на становление личности Николая Николаевича и других детей Наумовых³.

Как и многие автодокументальные тексты, записная книжка Н. Н. Наумова характеризуется синкретической жанровой природой⁴, находясь на пересечении рукописного литературного альбома⁵ и читательского дневника⁶, в связи с чем можно говорить о ее многофункциональности и полисемантической. В частности, содержащая в себе переписанные художественные произведения ряда русских и зарубежных писателей (чаще всего с указанием имени автора), практически

¹ См. об этом: Наумовы // Родословная. URL: <http://derevo-roda.ru/rodoslovnaya-naumovi.html>; Письма Н. И. Наумова А. М. Скобичевскому // Там же. URL: <http://derevo-roda.ru/pisma-naumova-skobichevskomu.html>

² См. также: *Широких (Забродина) Л. П.* Наш род. Из глубины веков. Гл. 2. Наумовы. URL: <http://russianpoetry.ru/proza/yese-i-stati/nash-rod-iz-glubiny-vekov-glava-2-naumovy.html>

³ Н. Н. Наумов переехал в Сибирь в 1909 г., работал в Барнауле помощником начальника съемки, с 1911 г. – преподавал математику в Семипалатинске, Омске, на станции Зима Иркутской губернии, в Иркутске, позже работал землемером в Томской области.

⁴ Не останавливаясь здесь на проблеме жанра записной книжки, сошлемся на имеющиеся исследования: [Цейтлин, 1968; Гинзбург, 1982, с. 80–86; Бондарев, 1997, с. 26; Янушкевич, 1997; Айзикова, 2004, с. 374–383].

⁵ Одна из первых классификаций альбомных книжек была сделана в 1828 г. П. Л. Яковлевым, который разделил все альбомы по темам, в частности, он описывает и тип альбома молодых людей [Яковлев, 1828]. Альбомом как элементом бытовой культуры занимались Ю. Н. Тынянов, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, В. Э. Вацуро, Ю. М. Лотман, позднее Л. И. Петина, О. Б. Авилова, А. В. Чеканова, Т. Маркинова, М. В. Калашникова и др.

⁶ Жанр читательского дневника еще ждет своего исследования, хотя особенности дневника как автодокументального жанра сегодня привлекают внимание ученых (напр.: [Егоров, 2003; Кобрин, 2003; Михеев, 2007] и др.).

точно следующие авторским текстам (сравнительный анализ показал различия в пунктуации и в редких случаях в лексике), а также мнения владельца о некоторых из них, записная книжка Наумова демонстрирует не только читательские вкусы и практики представителя молодой сибирской интеллигенции, оказавшегося на рубеже веков в столичной студенческой среде, но, по сути, встречу двух литературных и, шире, культурных потоков: общерусского и сибирского – в его рецепции.

В первую очередь следует обратить внимание на структурообразующие тексты альбомной – большей – части записной книжки. Она открывается цитатой из романа Г. Сенкевича «Семья Поланецких». На л. 1 об. приводится песенка о весне, побеждающей все несчастья, ее напевает художник Свирский (гл. XLVIII):

Весна дохнула теплом,
Зацвели шиповник и крес,
А я пою об одном,
Не зная ни горя, ни слез,
Пою, чтобы слезы не лить;
Перестал и тебя я любить!⁷

Заканчивается книжка записанной во второй половине августа 1901 г. песней П.-Ж. Беранже «Соловьи» в переводе В. С. Курочкина. Стихотворения очевидно перекликаются не только на уровне жанра, но и на уровне образа лирического героя, его настроения:

Ночь нависла тяжелою тучей
Над столицей веселья и слез;
С вечной страстью и с песнью могучей
Вы проснулись, любовники роз! (л. 46 об.)

Вместе с тем следует отметить политическую направленность песни Беранже, в частности, критику представителей аристократии, поработанных «тельцом золотым». Темы внутренней свободы, любви, независимости от материальных благ, стремления к духовным ценностям жизни, демократический социально-политический пафос, развиваемые в песне Беранже, являются главными во всей записной книжке Н. Н. Наумова.

В этой связи характерным является количественное преобладание в ней стихотворений С. Я. Надсона, одного из самых популярных поэтов 1880–1890-х гг. – они составляют пятую часть от всех выписок. Так, на л. 2 – 2 об. записаны подряд три стихотворения: «Есть у свободы враг опаснее цепей...», «Нет, я лгать не хочу...» и «Ни к ранней гибели, ни к ужасу крушений». Подборку объединяет образ лирического героя, не способного к равнодушному приятию мироустройства, при котором побеждает несправедливость и духовное рабство:

Есть у свободы враг опаснее цепей,
Страшней насилия, страданья и гоненья;
Тот враг неотразим, он – в сердце у людей,
Он – всем врожденная способность примиренья.

Вера в жизнь формирует и концепцию любви Надсона: за свою возлюбленную лирический герой готов сражаться, чтобы не отдать ее «толпе»:

⁷ Тексты цитируются по рукописи: ОРК НБ ТГУ. Ф. 2 (архив Н. И. Наумова). Оп. 1. № 191 (далее листы указаны в круглых скобках).

Пусть другие послушно идут за толпой,
Я не стану их звать к позабытым богам,
Но тебя. С этой ясной, как небо, душой,
О, тебя я так скоро толпе не отдам!..

Наполненное мотивами лермонтовской «Думы» («Печально я гляжу на наше поколение...») и посвященное судьбе современного Надсону поколения «Ни к ранней гибели, ни к ужасу крушений» завершает первый надсоновский интертекст:

Ты сын последних дней... Едва не с колыбели
Ты уж впитал в себя расчетливость купца,
И в жизни для тебя желанней нету цели,
Как счастье сытого, здорового самца.
С оглядкой любишь ты и молча ненавидишь...

Еще четыре стихотворения Надсона – «Во мгле», «Если душно тебе...», «Упали волнистые кудри на плечи...», «Старая сказка» – переписаны Наумовым подряд на л. 31 об. – 35 об. Кроме того, на л. 35 об. записано заглавие еще одного стихотворения Надсона «На могиле Герцена», но сам текст в записной книжке отсутствует.

Первое из перечисленных произведений продолжает тему потерянного поколения. Рассматривая и себя как представителя этого поколения, лирический герой рисует его общий портрет, используя в качестве основного мотив утраты юношеских высоких идеалов, столкнувшихся с «обычной чередой жизни». На смену мечтам пришел всеразрушающий нигилизм как обратная сторона рационализма и материализма:

Мы входим в мир, всё отрицая,
Без жажды пользу приносить (л. 31 об.).

Однако даже это стихотворение с красноречивым названием «Во мгле» заканчивается характерным для поэта призывом лирического героя «проснуться», «идти вперед, к заре».

Настроения рассмотренного произведения продолжены в следующем переписанном Наумовым на л. 32 об. стихотворении «Если душно тебе...», которое уже встречалось ранее на л. 11. Этот повтор свидетельствует об особой актуальности данного стихотворения для владельца книжки. В нем акцент сделан на теме искусства, которое трактуется как единственное спасение и для отдельного человека, и для современного общества в целом:

Если в сердце твоём оскорблен идеал,
Идеал человека и света,
Если честно скорбишь ты и честно устал, –
Отдохни над страницей поэта (л. 32 об.).

Стихотворение вновь заканчивается призывом к читателю научиться у поэта «беззаветно и свято любить», отзываться душой «всем, кто ищет и просит участия». Продолжая рассматривать надсоновский текст в записной книжке Наумова, отметим стихотворение «Упали волнистые кудри на плечи...», пронизанное сложнейшим внутренним состоянием лирического героя – необычайным трагизмом мировосприятия, не позволяющим разделять веру возлюбленной в любовь и счастье, и последним в его земной жизни желанием любви:

И в это мгновенье хочу я, родная,
Чтоб ты наклонилась на миг надо мной
И кудри мои чтоб, любя и лаская,
С чела отвела ты холодной рукой (л. 33 об.).

Переписанное произведение Наумов снабдил читательским комментарием, касающимся его темы и внутреннего состояния лирического героя:

В этом стихотворении необыкновенно мило изображаются стремления молодой и чистой девушки к личному своему счастью (чтобы в то же время принести счастье любимому человеку) и глубокая скорбь благородного думающего и развитого бедного молодого человека, подавленного страданиями о судьбе меньшей братии и разными сомнениями и противоречиями, происходящими в его душевном мире. Он желает и жаждет смерти, он не может отдалиться исключительно своему личному счастью, удовлетвориться только своей личной жизнью, но стремление к личному счастью так велико в нем, что он мечтает, как в последние минуты его земной жизни он увидит всю любовь и преданность чистого девственного сердца ненаглядной девушки под звук ее голоса, как под чудную музыку он отдаст душу свою Небесному отцу, положив таким образом конец бессильным желаниям разрешить назойливые вопросы времени, не дававшие ему покоя при жизни (л. 34–34 об.).

Надсоновский интертекст записной книжки Наумова завершается (если не считать неосуществленного намерения внести в нее стихотворение «На могиле Герцена») «Старой сказкой». Под таким заглавием в собрании сочинений Надсона была напечатана поэма, которая первоначально должна была называться «Сказка». Фрагменты из нее, выделенные самим поэтом для публикации в «Отечественных записках» (1882), были озаглавлены «Весенняя сказка». Отброшенные части позднее публиковались как самостоятельное произведение, в котором текст «Весенней сказки» опускался. В таком виде «Сказка» печаталась и в собрании сочинений, которое оказалось в руках Н. Н. Наумова. В выписанных строфах вновь возникает мотив юности, по ощущению напоминающей прекрасный сон, который оберегает нежная любящая мать. Она отвлекает от рыдающей за окном вьюги, от детских страхов, тревожных вопросов и сомнений, которые мешают уноситься в воображаемый мир⁸.

Кроме указанных стихотворений, в записной книжке Наумова находим еще одно (вписано не позднее октября 1900 г.) – «Друг мой, брат мой», предваренное выпиской из «Истории новейшей русской литературы» А. М. Скабичевского: «Вся поэзия Надсона, словно солнце в капле воды, отражается в известном стихотворении “Друг мой, брат мой”, которое недаром считается его шедевром. В нем действительно заключается квинт-эссенция всей его поэзии» (л. 14). Фраза, заключающая цитату из Скабичевского: «Вот это знаменитое стихотворение», позволяет предположить, что Наумов переписал его в свою книжку из названной монографии. В самом деле, в этом стихотворении соединились и главные проблемы его творчества, и его пафос, и призыв к читателю не падать духом и верить в то, что

Настанет пора – и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь! (л. 14 об.)

⁸ Стихотворение «На могиле Герцена» также строится на противопоставлении богатой, отталкивающей лирического героя суетой Ниццы тихому кладбищу, где время как будто застыло. Былым страданиям борца за свободу противопоставлена вечность.

Вторым по частотности обращения в записной книжке Наумова выступает французский поэт П.-Ж. Беранже, прославившийся своими антимонархическими и антиклерикальными песнями, которые стали символом независимости и свободы слова, за которыми стояла культура демократических масс. Кроме песни «Соловьи», о которой речь шла выше, в книжке записано еще четыре стихотворения. Причем из пяти произведений Беранже четыре записаны подряд на последних страницах книжки: «Действие вина», «Дурное вино», «Самоубийцы» и «Соловьи» (л. 42 – 46 об.), занимая в ней сильную – финальную – позицию.

Первое из них (в переводе В. С. Курочкина), заключая в себе остросатирическую сценку, герой которой, выпивая вино стакан за стаканом, обретает все более ясный взгляд на окружающую его действительность, сопровождается замечанием Наумова об истории его создания:

Стихотворение это относится ко времени первого заключения Беранже в тюрьме Sainte Pélagie в 1821 г. В подлиннике оно носит длинное заглавие: Мое выздоровление, ответ сомурцам, которые, чтобы прошло мое сумасшествие лечить неизлечимых, прислали в тюрьму запас Шамбертэна и Романэ, предписав мне внутренний душ во время моего заключения. Охотниками из другого департамента был прислан <1 слово нрзб.> запас дичи на всё время его заключения (л. 42).

В духе народной смеховой культуры создана и переписанная Наумовым в свою записную книжку песня «Дурное вино» (также в переводе В. С. Курочкина).

Песни Беранже вобрали в себя черты многих лирических жанров: памфлета, пародии, лирической исповеди и др. Так, третье переписанное Наумовым стихотворение поэта представляет собой философское размышление лирического героя о самоубийстве – теме, корнями своими уходящей в проблему свободы нравственного выбора личности. Ведя мысленный диалог с ушедшими из жизни по своей воле молодыми людьми, мотивирующими свой поступок беспросветностью окружавшей их действительности, лирический герой, не осуждая «безумцев-детей», занимает другую позицию:

Творец земли! Прости им тяжкий грех.
Не ведали, что мы, в цепи творенья,
Не для себя рождаемся – для всех (л. 45 об.).

Еще одна песня Беранже «Переселение душ» записана Наумовым сразу за подборкой стихов Надсона, на л. 36 – 36 об., как бы объединяя эти два поэтических интертекста внутри записной книжки. Представляя собой характерное для Беранже стихотворение-диалог лирического героя-поэта с его душой и одновременно являясь исповедью перед лирическим героем его души, «Переселение душ» посвящено теме многогранности и таинственности внутренней жизни личности, переключаясь в этом с заинтересовавшей Наумова тематикой и проблематикой выписанных им произведений Надсона. Переключка интертекстов Надсона и Беранже возникает в записной книжке Наумова и благодаря общей теме поэта и поэзии, также явно привлекающей внимание владельца книжки.

В книжке-альбоме Наумова можно выделить еще два авторских интертекста. Первый принадлежит известному русскому поэту второй половины XIX в. Я. П. Полонскому. На л. 5–7 подряд переписано три его стихотворения: «На корабле», «Царство науки не знает предела...» и «Вперед и вперед!..». Взятые вместе, они раскрывают поэтическую позицию Полонского. «На корабле» создано в рамках традиций позднего романтизма, трактуя одну из главных проблем 1830–1850-х гг. – тему «высокого реального дела», «органического соединения реального, действительного и идеального» как восстановления изначальной целост-

ности бытия на основе веры в Бога⁹. «Царство науки не знает предела...», публикация которого стала поводом для полемики о поэзии Полонского между М. Е. Салтыковым-Щедриным и И. С. Тургеневым, уравнивает взгляд на творчество поэта, в котором гражданственность, не означавшая концентрации внимания на выполнении «гражданского долга», как его понимали революционеры-демократы, но являвшаяся осознанием своих обязанностей в отношении общественного благополучия, органично сочеталась с идеями «чистого искусства». Не самый активный и радикальный в социальной борьбе, лирический герой Полонского готов умереть за правду, другое дело, что его любовь к России выражается в соответствии с эстетикой романтизма, возвышающего как героическую личность человека рефлексирующего и глубоко чувствующего окружающую его действительность. Именно такого лирического героя – свободного поэта, который ищет «оружья в стихах», мы видим в переписанном Наумовым стихотворении Полонского «Вперед и вперед!..»:

Не раб, – а поэт я, – гордыней обиженный... –
Не в ваших нестройных рядах
Пойду я, – нет! ратник свободы униженной,
Оружье найду я в стихах (л. 7).

Другой авторский текст в записной книжке Наумова составили стихотворения И. С. Никитина, тоже продолжавшего традиции романтизма. Из многообразной по тематике и жанровой палитре лирики Никитина Наумова привлекли три стихотворения: «Мне, видно, нет иной дороги» и подряд записанные «В альбом А. Н. О-вой» («Послушный вашему желанью...») и «Медленно движется время...». Первое написано в форме исповеди лирического героя, страдающего от несоответствия жизни идеалу, от окружающих его бессмысленных человеческих страданий и личных невзгод. Успокоение он видит в смирении перед Богом. Сочувствием к страданиям народа пронизано и стихотворение Никитина, переписанное Наумовым в записную книжку, – «Медленно движется время...», которое в конце XIX в. пели на мотив революционной песни Л. П. Радица «Смело, товарищи, в ногу...», хотя пафос Никитина сводится к призыву преобразования жизни «добрым делом и словом». Третье стихотворение, привлечшее внимание Наумова, – «альбомное», отличается грустными интонациями, лиризмом и особой трактовкой темы поэзии, в которой несовершенной реальности лирический герой-поэт может противопоставить, эстетически ее преодолевая, воспевание красоты, молодости, добра.

Остальные выписки в записной книжке Наумова представляют отдельные произведения разных авторов, но вместе с тем они тоже складываются в цельные, дополняющие друг друга тексты. Так, можно выделить ряд тематических групп, характеризующих читательские интересы владельца книжки. Рассмотренные выше темы поэта и поэзии, неудовлетворенности жизнью, далекой от идеала, переполненной народным страданием и болью, ставят в один ряд со стихотворениями Никитина, Надсона, Беранже «Песню Ежова», выписанную Наумовым, судя по подписи, из романа М. Горького «Фома Гордеев»¹⁰. Здесь же назовем «Сибирскую колыбельную песню» И. В. Оммулевского-Федорова (у Наумова переписано без заглавия), «Песню» («Взгляни, мой друг, по небу голубому...») В. И. Красова. Пафос борьбы с общественной несправедливостью словом и «добрым делом», мечты о светлом будущем ставят в этот же ряд «Оду к радости» Шиллера, составленную по нескольким переводам (В. Бенедиктова, Ф. Тютчева, М. Дмитриева

⁹ См. об этом: [Канунова, Айзикова, 2001, с. 7].

¹⁰ Это же стихотворение входит в рассказ М. Горького «Грустная история».

и др.)), стихотворение А. А. Голенищева-Кутузова «Для битвы честной и суровой...», «Свободное слово» К. С. Аксакова, «Грядущее» С. Г. Фруга.

Важнейшей темой для Наумова-читателя, судя по его записной книжке, является любовь и связанный с нею образ женщины. Этот интерес характерен для русской альбомной культуры, вместе с тем, он органично вписывается в порубежную эпоху с витавшим в ее воздухе «женским вопросом». Наряду с рассмотренными выше стихотворениями следует обратить внимание на ряд других выписок. Так, на л. 3 находится отрывок из романа «Семья Поланецких» Г. Сенкевича, упоминавшегося выше, в котором главными темами стали семья, любовь, отношения между мужчиной и женщиной. Наумов выписывает фрагмент рассуждений главного героя Станислава Поланецкого об особенностях женского мира по сравнению с мужским (гл. XXIII):

После этого ¹¹ ему пришли в голову совсем другие мысли. Он вспомнил о Литке, ее матери (Хвастовской), Марыне ¹² и только теперь заметил, насколько женский мир, – созданный главным образом для любви и для счастья ближних, – отличается от мужского, преисполненного соперничества, борьбы, драки, гнева, дуэлей и усилий к обогащению и значению. И в данную минуту он почувствовал, что уже давно не испытывал, что *если существует на свете отдых, спокойствие и счастье, то их нужно искать среди любящих женщин*. Но эта мысль шла вразрез с его философскими взглядами последних дней и поэтому очень беспокоила его. Однако, сравнивая эти два мира, он пришел к тому заключению, что женский любящий мир имеет свои основы и цель к существованию. Если бы Поланецкий был сведущ в Священном Писании, то, наверное, вспомнил бы слова: «Мария избрала лучшую часть жизни» (выделено Н. Н. Наумовым. – *И. А.*).

Далее образ женщины в записной книжке Наумова усложняется темой трагической женской судьбы – в интерпретации Т. Г. Шевченко, из баллады которого «Причинна» выписано рассуждение повествователя о судьбе героини-сироты, превращенной гадалкой в «причинную» (помешанную), чтобы та меньше тосковала о любимом, ушедшем на чужбину:

Така її доля... О Боже мій милий!
За що ж ти караєш її, молоду?
За те, що так щиро вона полюбила
Козацькії очі?... Прости сироту! (л. 4)

В книжке Наумова выстроена целая галерея женских образов: возлюбленная, мать, дочь, жена. Так, в ней находим стихотворение «Умирающая мать» А. Н. Апухтина, одного из последних русских романтиков. Эта психологическая зарисовка создает образ матери, любви и заботу которой о ближних может остановить только смерть. Образ любящей матери, спасающей душу и достоинство своего сына в последний день его жизни перед казнью, находим в балладе М. Л. Михайлова «Белое покрывало» (перевод стихотворения «Der Weisse Schleier» австрийского поэта М. Гартмана, был популярен у русского читателя конца XIX в.). Противоположный этим образ матери, избаловавшей сына и не подготовившей его к взрослой жизни, оказывается в центре стихотворения «Барыня» (не подписано). В стихотворном «монологе для сцены» «Стрелочник» русского актера и драматурга А. Ф. Федотова создан образ девочки Кати, которая едва не погибла под

¹¹ Имеется в виду разговор с паном Машко о дуэли.

¹² Литка, ее мать Эмилия Хвастовская и Марыня, жена Поланецкого, – три положительных женских образа романа.

поездом из-за недосмотра отца-стрелочника. Катя, чудом оставшаяся в живых, не понимая причины переживаний отца, склоняется над ним с потрясающе искренним утешением, не ведая того, что спасает отца от безумия: «Нельзя реветь таким большим, да кто ж тебя обидел, тятя?» Образ девочки здесь – воплощение природного женского сострадания и доброты.

Образ женщины-мечты, женщины-воспоминания о любви, хранящей лирического героя, томимого «неясною тревогою», «вихрем бытия», возникает в стихотворении «Подернут дымкой сизою...» (подписано: Мазуркевич), записанном на л. 41 об. В книжке Наумова находим и «Песню» высоко оцененного В. Г. Белинскими поэта 1830–1850-х гг. В. И. Красова («Взгляни, мой друг, – по небу голубому...»). Лирический герой воспевает возлюбленную, созданную «для счастья любить». Этим же настроением преклонения перед возлюбленной пронизано стихотворение великого князя Константина Константиновича (Романова) «Я на тебя гляжу, любясь ежечасно...». Переписанное без посвящения великой княгине Елизавете Федоровне, супруге великого князя Сергея Александровича, оно создает идеальный портрет женщины, носительницы божественной внешней и внутренней красоты:

Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту! (л. 18 об.)

В круг читательских интересов Наумова попадает любовная лирика и представителей золотого века русской поэзии – в книжку-альбом переписаны такие шедевры, как «Разуверение» Е. А. Баратынского (л. 18 – 18 об.) и «Я вас любил...» А. С. Пушкина (л. 18 об.), и рубежа XIX–XX вв.: «Другу» (не подписано, Н. Я. Агнивцев?) (л. 16 об. – 17).

Тема любви и образ женщины раскрываются в записной книжке Наумова и в нескольких выписках из прозаических произведений. На л. 7 об. – 9 он заносит отрывки из очерков писателя-народника, русского революционера А. И. Фаресова «В одиночном заключении», озаглавливая их «Выдержки или, вернее, выписки: Мечты о любимой девушке». Цитаты представляют собой фрагменты из гл. VI. Первая из них – гимн женщине, способной сберечь «человеку и на каторге его характер и достоинство, нужные и для испытания и для жизни по освобождению» (л. 7 об.). Ниже переписаны строки из А. де Мюссе, цитируемые в гл. XIX («Кровь вносит в сердце представленья...», л. 7 об.), и стихотворение «Лишь вы одни нас не забыли...» неизвестного автора (нераскрытый псевдоним Помеха В.) из гл. XXI (л. 8), развивающие ту же тему.

Показательны и объемные выписки из повести И. С. Тургенева «Переписка» (л. 21 об. – 31 об.). В центре повести – психологически сложные образы Алексея Петровича, «лишнего человека», его возлюбленной Марии Александровны, типичной «тургеневской девушки», и комплекс проблем, связанных с этими типами героев и с одной из центральных для Тургенева темой любви. Выписки Наумова, озаглавленные им «Два замечательных письма из известной “Переписки” Тургенева», содержат краткий пересказ предисловия автора-повествователя об истории переписки и ее участниках, обоснование выбора для выписки двух писем из пятнадцати, составляющих тургеневское произведение, сами письма и читательский анализ проблематики повести, ее образов и авторских приемов их создания. Приведем предваряющую выписки запись Н. Н. Наумова:

Один наш соотечественник некто Алекс.<ей> Петр.<ович>, живший под конец своей жизни за границей, положил начало переписки с бывшей симпатией своего родного брата, после окончательной ее размолвки с ним. Приведу только два письма, заслуживающих особого внимания читателя по тем мыслям, которые в них выражены. На первое насмешливое и нетактичное, хотя и не злое письмо Алексея Петровича Мария Александровна написала коротенький и холодный ответ. На это письмо Алексей Петрович написал еще два письма, прося во втором разрешения продолжить переписку, и когда он получил в ответ послания «Какой вы странный человек! Ну да», то написал следующее письмо, четвертое по счету (л. 21 об. – 21).

И далее без отступлений от текста Тургенева переписаны письмо VI (четвертое из написанных героем), в котором он, в духе тургеневской философии природы и человека, рассуждает о смысле своей жизни, о роли в его судьбе обстоятельств и собственной воли, о мечтах молодости, о любви, прошедшей «невозвратно», и ответное, седьмое у Тургенева, письмо героини. Оно посвящено рассуждениям о русской женщине, ее судьбе и положении в обществе, воплощением чего Мария Александровна считает себя и свою жизнь, и здесь ее позиция сближается с авторской.

Выписку указанных писем продолжает следующая читательская запись Н. Н. Наумова:

Сколько незаслуженных страданий пришлось пережить скромной, доверчивой и милой провинциальной девушке, когда все ее лучшие мечты, порывы молодости и лучезарная надежда на счастье были так жестоко, так безжалостно разбиты любимым ею человеком! Каким глубоким трагизмом дышат строки этого письма! Только кисть великого художника русского слова могла так верно, так жизненно правдиво и в то же время так женственно изобразить в немногих простых, но сильных выражениях всё беззащитное и жалкое положение сознательно живущей провинциальной девушки, когда она впервые разочаровалась и осталась покинутой временно увлеченным ею молодым человеком! Поневоле не верится как-то, чтоб это письмо мог написать мужчина, так пронзительно хорошо и тонко изображена психология чистой женской души, и разница или – вернее, глубокая пропасть, отделяющая женский душевный мир от мужского. Сколько горькой правды в следующих словах, изображающих глубокую разницу женской психологии от мужской: «Но тут-то и является различие между мужчиной и женщиной. Мужчине ничего не значит начать новую жизнь, стряхнуть с себя всё прошедшее: женщина этого не может. Нет, не может она сбросить свое прошедшее, не может оторваться от своего корня – нет, тысячу раз нет!» Это говорит нам великий знаток женского сердца, великий психолог женской души, автор таких бессмертных женских типов, как, например, Ася, Лиза (в романе «Дворянское гнездо»), Наташа (в романе «Рудин») и т. д. Трудно не согласиться с этим мнением высококалентного писателя русской земли! Но на этом письме переписка Алексея Петровича и Марии Александровны не оканчивается. Напротив, с этих пор она ведется очень аккуратно, между ними завязывается или, вернее, возобновляется «письменное» знакомство, с течением времени их духовная связь крепнет...

И далее идет пересказ истории увлечения героя балериной, ««благодушно» пользовавшейся презренным металлом своего обожателя» (л. 29 об. – 30).

Затем следует анализ последнего письма Алексея Петровича к Марии Александровне:

В нем он замечательно подробно и правдиво описывает свою последнюю любовь, нисколько не обманывая себя относительно личности своей пассии. Достойно замечания определение любви, как ее понимал Алексей Петрович. Этим определением и закончу свои заметки, навеянные на меня чтением этого бессмертного произведения Тургенева (л. 30 об.)¹³.

Судя по выпискам и комментариям, интерес Наумова, кроме указанного выше, вызвала тема провинции: Мария Александровна для него «милая, сознательно живущая провинциальная девушка». В этом плане характерны три выписки из «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина, так и озаглавленные: «Мысли Салтыкова-Щедрина о провинции»:

О провинция! ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самостоятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаниями те мелкие вожделения, исключительно направленные к материальной стороне жизни, к доставлению крошечных удобств, которые имеют то неценное достоинство, что устраняют всякий повод для тревог души и сердца?.. (л. 37)

Да; жалко, поистине жалко положение молодого человека, заброшенного в провинцию! Незаметно, мало-помалу, погружается он в тину мелочей... (л. 38)

О вы, которые живете другою, широкою жизнью, вы, которых оставляют жить и которые оставляете жить других, – завидую вам! И если когда-нибудь придется вам горько и вы усомнитесь в вашем счастье, вспомните, что есть иной мир, мир зловоний и болотных испарений, мир сплетен и жирных кулебяк – и горе вам, если вы тотчас не поспешите подписать удовольствие вечному истцу вашей жизни – обществу! (л. 38 об.)

Все выписки посвящены теме измельчания человека в обывательской будничной жизни, с особой силой захлестнувшей провинцию, которая осмысливается писателем как понятие не столько географическое, и не только социально-историческое, но бытийное, нравственно-психологическое, что и находит читательский отклик Наумова¹⁴. Интересно, что далее следует выписка, озаглавленная «Мысли, выраженные Достоевским в Дневнике за 1876 год о русской женщине», где утверждается идея «возрождения русской женщины в последние двадцать лет», которое связывается с «подъемом» ее духовных и интеллектуальных запросов, «жаждой высшего образования», в чем «она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества» (л. 39 об.).

Закljučая анализ записной книжки Н. Н. Наумова, подчеркнем, что она, представляя собой совокупность самостоятельных выписок и цитат, является целостным текстом, составившимся вдумчивым читателем. Смысл этого текста становится понятным в результате соотнесений отдельных вписанных в записную книжку произведений и маргиналий самого хозяина книжки. Рассматриваемый эгодокумент обладает своей структурой, формируется на основе определенных

¹³ И далее выписано это определение.

¹⁴ В этот же тематический ряд встает и выписка слов автора о пошлости из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (сцена у Одинцовой): «Появление пошлости бывает часто полезно в жизни: оно ослабляет слишком высоко настроенные струны, отрезвляет самоуверенные или самозабывчивые чувства, напоминая им свое близкое родство с ними. С прибытием Ситникова всё стало как-то тупее – и проще; все даже поужинали плотней и разошлись спать получасом раньше обыкновенного» (л. 3 об.). В афористической форме здесь обозначена другая сторона погруженности человека в «матерьяльную» жизнь.

литературных пристрастий, отражая мировосприятие владельца, питающую его культурную среду, в том числе круг и культуру чтения. Вместе с тем осмысление книжки, имеющей безусловное биографическое значение, отчетливую субъективную точку зрения на мир и отражение его в литературе, центрированной вокруг личности владельца, выводит нас за пределы его внутреннего мира, его личных читательских интересов и практик – в область сибирской словесной культуры и ее взаимодействия с общероссийским и западноевропейским контекстами.

Список литературы

- Айзикова И. А.* Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004. 403 с.
- Бондарев А. П.* Автор и читатель в эстетической деятельности // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. № 4. С. 26–32.
- Бурмакин Э. В.* Томск уходящий (Свободное повествование). Томск, 1995. 200 с.
- Гинзбург Л. Я.* О старом и новом. Л., 1982. 422 с.
- Егоров Е. Г.* Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М., 2003. 280 с.
- Канунова Ф. З., Айзикова И. А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск, 2011. 303 с.
- Кобрин К. Р.* Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. С. 288–295.
- Кожевников С. Е.* Николай Иванович Наумов. Очерк жизни и творчества писателя. Новосибирск, 1952. 95 с.
- Михеев М. Ю.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007. 264 с.
- Наумов Н. И.* Автобиография [публ. и прим. А. Г. Попова] // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 175–180.
- Русские писатели в Томске. Томск, 1996. 180 с.
- Попов И. Н.* Жизнь и творчество Н. И. Наумова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967. 18 с.
- Скабичевский А. М.* Николай Иванович Наумов. Его жизнь и сочинения // Новое слово. 1897. № 5. С. 137–156.
- Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы, 1848–1892. 5-е изд. СПб., 1903. 504 с.
- Цейтлин А. Г.* Труд писателя. М., 1968. 563 с. Гл. 7: Собираение материала [Записная книжка].
- Яковлев П. Л.* Записки москвича. Кн. 1. М., 1828. 200 с.
- Янушкевич А. С.* Записная книжка «Разные замечания» В. А. Жуковского как факт творческой биографии поэта и явление русской культуры // Проблемы метода и жанра. Вып. 19. Томск, 1997. С. 32–43.

I. A. Ayzikova

*National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation
wand2004@mail.ru*

**«A notebook with different poems of various authors» of N. N. Naumov
as a reflection of his reader interests (1900–1901)**

The personal collection of the writer N. I. Naumov (1838–1901), a native of Tobolsk, who has lived most of his life in Tomsk, is kept in the collection of the manuscripts department of the

Tomsk State University Scientific Library. «A notebook with different poems of various authors» that has not yet attracted the attention of researchers is a part of the archive and is owned by the eldest son of the writer – Nikolai Nikolaevich Naumov (1876–1937). There are 47 sheets, with most of them completed. The comparison with autographs of N. N. Naumov proved that all the notes were made by the author. The handwriting comparison with autographs of N. N. Naumov proved that he made all the notes. There are a few dated entries: «Schedule of lectures for 1900/1» is on the 1st page, «Rehearsal Schedule» – on the 16th page dated: «Okt.<ober>». Then the dates are given: «August 17», «23 August 1901», «29 August 1901». These dates allow us to date the entries: from 1900 to August 1901.

Being somewhat between a literary album and a reader's diary N. N. Naumov's notebook, like many other autodocumental texts, is characterized by syncretic nature of the genre, making it possible to speak about its multifunctional and polysemantic nature. In particular, Naumov's notebook contains some rewritten works of Russian and foreign writers (often with the name of the author shown) which almost exactly follow the author's texts (a comparative analysis showed some discrepancies in punctuation and a few in vocabulary), as well as the owner's opinions. It demonstrates not only the reader tastes and practices of a representative of the young Siberian intelligentsia, who happened to be at the turn of the century among the students of the capital, but also the interaction of the two literary and more broadly cultural flows: all-Russian and Siberian – in his reception.

The paper studies the structure-forming texts of the notebook. A quote from the novel of H. Sienkiewicz «Family Palanecki» – the song about spring sung by the artist Svirskiy opens the notebook, and the song from «The Nightingale» by P.-J. Beranger closes it. The poems obviously resonate not only in the genre level but also in the image of the lyric hero and his mood. The composition of the notebook, including some author's poetic intertexts of S. Y. Nadson, P.-J. Beranger, Y. P. Polonsky, and I. S. Nikitin is studied. The poems of these poets occupy a large part of the notebook. The other entries are the separate works of different authors – poets and prose writers which are combined in complementary subject groups. The most important for Naumov-reader are the themes of the poet and poetry, unattainable ideal, province, dissatisfaction with life which is full of people's suffering, and the problem of love and the image of a woman.

Keywords: N. N. Naumov, notebook, reader interests and practices, the Siberian and all-Russian literary process, the dialogue.

DOI 10.17223/18137083/60/6

References

- Ayzikova I. A. *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V. A. Zhukovskogo* [The genre and stylistic system of the prose of V. A. Zhukovsky]. Tomsk, 2004, 403 p.
- Bondarev A. P. Avtor i chitatel' v esteticheskoy deyatelnosti [The author and reader in aesthetic activity]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1997, no. 4, p. 26–32.
- Burmakin E. V. *Tomsk ukhodyashchiy: (Svobodnoe povesstvovanie)* [Tomsk outgoing: (Loose narration)]. Tomsk, 1995, 200 p.
- Ginzburg L. Ya. *O starom i novom* [On the old and the new]. Leningrad, 1982, 422 p.
- Egorov E. G. *Russkiy literaturnyy dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre]. Moscow, 2003, 280 p.
- Kanunova F. Z., Ayzikova I. A. *Nravstvenno-esteticheskie iskaniya russkogo romantizma i religiya (1820–1840-e gg.)* [Moral and aesthetic quest of Russian romanticism and religion (1820–1840)]. Novosibirsk, 2011, 303 p.
- Kobrin K. R. Pokhvala dnevniku [Praise to the diary]. *New Literary Observer*. 2003, no. 3, pp. 288–295.
- Kozhevnikov S. E. *Nikolay Ivanovich Naumov. Ocherk zhizni i tvorchestva pisatelya* [Nikolai Naumov. Essay on the life and work of the writer]. Novosibirsk, 1952, 95 p.
- Mikheev M. Yu. *Dnevnik kak ego-tekst. (Rossiya, XIX–XX)* [Diary as an ego-text. (Russia, XIX–XX)]. Moscow, 2007, 264 p.
- Naumov N. I. Avtobiografiya [publ. i prim. A. G. Popova] [Autobiography]. *Sibirskie ogni*. 1963, no. 9, pp. 175–180.

- Popov I. N. *Zhizn' i tvorchestvo N. I. Naumova* [The life and the work of N. I. Naumov]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1967, 180 p.
- Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk, 1996, 180 p.
- Skabichevskiy A. M. *Istoriya noveyshey russkoy literatury, 1848–1892. 5-e izd.* [The history of modern Russian literature, 1848–1892. 5th ed.]. St. Petersburg, 1903, 594 p.
- Skabichevskiy A. M. Nikolay Ivanovich Naumov. Ego zhizn' i sochineniya [Nikolai Naumov. His life and writings]. *Novoe slovo*. 1897, no. 5, pp. 137–156.
- Tseytlin A. G. *Trud pisatelya* [The work of the writer]. Gl. 7 (razdel “Zapisnaya knizhka” [Ch. 7, section “Notebook”]). Moscow, 1968, 563 p.
- Yakovlev P. L. *Zapiski moskvicha. Kn. 1* [Notes of a Muscovite. Book 1]. Moscow, 1828, 200 p.
- Yanushkevich A. S. Zapisnaya knizhka “Raznye zamechaniya” V. A. Zhukovskogo kak fakt tvorcheskoy biografii poeta i yavlenie russkoy kul'tury [Notebook “Miscellaneous notes” V. A. Zhukovsky as a fact of the creative biography of the poet and the phenomenon of Russian culture]. *Problemy metoda i zhanra*. Vyp. 19. Tomsk, 1997, pp. 32–43.